

19 ЯНВ 1978

КОММУНАР
г. ТУЛА

200

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

физического и душевного напряжения, когда решается вопрос о жизни нашего молодого тогда государства в условиях нэпа, когда из-за неправильно понятой политики партии возникли поразительные настроения в ее рядах, когда надо было сохранить верность идеалам партии, собрать все силы для решительного поворота к социализму.

И ведь это — патетическая! Но патетика — не ложная приподнятость в речах вождя, а одухотворенная вера в людей, сделавших революцию. И сколь же многопланов образ Ильича у Н. Погодина в этой пьесе! Вот Ленин на заводе на плавке первой отечественной стали «не хуже рурской», в гостях у рабочих, и тут же дает отпор меньшевику, пытающемуся посеять сомнения в правильности политики государства, и уже взволнованно и убежденно говорит о будущем страны, радуется организации производства и сетует на «свое неумение» так же организовать заседания в правительстве.

В Горках, принимая участие в горе Ирины Сестрорецкой, он решительно отвергает просьбу о помиловании ее брата, доказывая немилосердием прощать взыточничество, тем более члену партии. Ленин тяжело болен, огражден от посещения, от какой-либо информации извне, но он все знает, все понимает.

Конечно, не нужно «играть болезнь», наоборот — преодоление ее. И не жалеть Ирины. Ленин не добрый, что включает бесприщальность к взыточникам и вора, непримиримость к нарушителям новой, коммунистической морали.

И вот Ильич снова за напряженной работой в Кремле. У него Дятлов и Сестрорецкий. Выход Ипполита из партии. Что же, это печально, но... Не неожиданно. Но вот сомнения Дятлова. Это уже чудовищно. Винават не Дятлов в этом. «Винаваты мы» — руководители. Воспитывали плохо, плохо учили, в руках держать не умеем». Признает Ленин свои промахи, не закрывает на них глаза, не оправдывается.

И тут же, видя, что Ипполит чего-то не договаривает, Ленин просит откровения, не хочется ему терять веру в этого человека. Он и Дят-

лова просит быть более чутким к Ипполиту. Очень важная мысль — «...тонкие, чувствительные натуры тоже нужны партии».

Как это здорово и просто! И как похоже на отношения Ленина с Горьким, величайшим художником нашего времени. Какие взаимовлияние, дружба и любовь двух великих людей! Какое понимание Лениным необходимости Горького для революции и государства. Да, «любить людей — задача адски трудная».

И вот уже в который раз смотрим мы с неослабевающим вниманием кадры кинохроники с живым Ильичем! Смотрим, впитываем, отбираем. Вот Ленин на площади, принимает парад. Радость, улыбка на лице. Достигнута еще одна вершина в строительстве нового государства. И тут же, мгновение спустя, хмурь легла на лоб. Мысли уже идут дальше, на много лет вперед. И наоборот, другой надр. Ильич чем-то озабочен, но вот, видимо, увидел кого-то из любимых им людей, и глаза так и засверкали добротой, лукавством, радостью.

Постоянное, интенсивное мышление. Охват сразу нескольких тем, проблем, дел... Этому надо себя воспитывать. Это не сыграешь.

Очень многое дало посещение кабинета и квартиры

Ленина в Кремле во время наших московских гастролей. Необычайнейшее ощущение испытал. Будто Владимир Ильич только что отсюда вышел. И еще глубже понял, как прост и человечен был он во всем.

Сыграно уже больше полутора десятков спектаклей, а образ только начинает жить, облекаться «плотью и кровью». И сколько еще работать и работать... И спасибо тем моим товарищам, которые, желая того или нет, поддерживают во мне уверенность в возможности достичь желаемого: однажды в перерыве в кругу актеров (уже на репетиции другой пьесы) я рассмеялся, и мне сказали, что я уже и в жизни смеюсь, «как Ленин», «очень похоже», а когда мы еще репетировали без грима и костюмов, мне сказали, что я «уже смотрю и слушаю, как Ленин».

Очень боялся делать грим — думал, буду мало похож. Но вот надет парик, приклеена борода, клею усы... и... сначала похолодел, потом бросило в жар! Похож! Да, похож! Но не в этом главное.

Главное в том, о чем я рассказал выше.

О. КОРЧИКОВ,
артист Тульского
драматического театра
имени М. Горького.

На снимке: **О. Корчиков.**
Фото **Е. Сускова.**

Мне поручено воплотить на сцене образ Ленина. Не могу сказать, что был не готов к этому известию. И все же, когда на доске призывов прочитал распределение ролей в будущем спектакле, меня охватили неведомые до сих пор волнение и трепет, которые не покидают и теперь, когда приходит день играть эту роль.

Дерзкая мысль о том, что я смогу создать (вернее, попробовать создать) образ величайшего из людей, зародилась еще в театральном институте, потом была поддержана в одном из театров, где я работал до тульской сцены. Но там это были только предположения, не воплощенные мечты, а тут — явь! И стало радостно и жутко. Да, да — жутко. Смогу ли? И полезли сомнения, сомнения...

Но надо работать. Надо опять доказывать право называться артистом, то есть художником. Ведь ты же хотел этого, ждал.

Но ведь мне всего 38 лет!.. А Щукину сколько было, когда он впервые сыграл Ленина? А Штрауху? Но ведь это Щукин и Штраух! Брось! Надо работать. Работать и искать. Сомнения хороши только в первый момент, когда дают повод для вопросов, которые надо решать. Решать — значит работать, действовать!

Работа началась. Вопросы все возникают и возникают. Окунаемся с режиссером Л. Арзуньяном в факты, документы, записки очевидцев, в догадки. Окунаемся так, будто ничего до нас не было. Тем более, что хочется по-своему осветить образ величайшего человека — организатора, стратега и гуманиста. Тем более, что создать его так, как было у Щукина или Штрауха, невозможно в силу многих обстоятельств.

Итак, «Третья, патетическая» — последняя пьеса из трилогии о Ленине. Пьеса, где Владимир Ильич показан в момент наивысшего